

АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ

«СЕРЕНАДА»

и другие виньетки

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО

Вроде бы ни с того ни с сего Лада вдруг сказала: «А-а, теперь понятно, откуда у тебя про домик!»

Звучит загадочно, но только для неподготовленного читателя, я же сориентировался сразу.

Ну, «Откуда?» — вопрос, постоянно занимающий нас, интертекстуалов: «Откуда вот это у Пастернака, Мандельштама, Блока, Пушкина? Из Фета? Гёте? Парни? Шекспира? Данте? Горация?»

Или, погаже, когда, как в данном случае, речь не о Пушкине и Пастернаке, а о тебе самом, типа: «А откуда в твоей статье вот это — из Якобсона? Риффатера? Щеглова? Долинина? Виницкого?»

В какой статье, я тоже понял сразу, — про реальный домик на одной из сантамоникских улиц, об архитектурном дизайне которого я писал — дважды.¹ Первый раз о его конструктивном принципе, а второй раз о том, чего не заметил в первый, — что в одном крыле принцип нарушен: для полноты картины там не хватает башенки определенного вида и размера, что, скорее всего, свидетельствует о недостроенности здания.

Своим анализом я очень гордился, при случае даже перевел его и напечатал по-английски², но никакой интеллектуальной задолженности за собой не чувствовал — не сомневаясь, что все сообразил сам. Однажды, когда домик был выставлен на продажу, я даже воспользовался возможностью побывать в нем (внутри он оказался гораздо менее привлекательным, чем снаружи, тесноватым и с низкими потолками) и, разговорившись с риелтором, попытался получить информацию об истории его постройки, но безуспешно...

Уязвленный, я спросил Ладу: «Да? И откуда?» Оказалось, из Гёте — его автобиографической «Поэзии и правды» (III, 11), которую Лада как раз изучала в связи со своими занятиями кюнстлерроманом:

[В] Страсбурге [я] находился <...> в одном загородном доме, откуда был отлично виден фасад собора и вздымающаяся над ним башня. «Как жаль, — заметил кто-то, — что собор остался незаконченным и эта башня единственной». — «Жаль также, — отвечал я, — что не закончена и эта единственная башня: четыре верхних завитка недостаточно заострены, их должны были венчать еще четыре легких шпиля и там, где теперь неуклюже торчит крест, один средний повыше» <...>

[О]дин <...> человек спросил меня: «Кто вам это сказал?!» — «Сама башня <...> Я так долго, внимательно и любовно всматривался в нее, что она решилась наконец открыть мне и сию очевидную тайну». — «Она вас не обманула <...> кому же это и знать, как не мне, ведь я состою надзирателем соборного здания. У нас в архиве еще хранятся оригинальные чертежи, это подтверждающие» <...> Он <...> вынес мне бесценные свитки; я быстро срисовал шпили, отсутствующие на здании». ³

Неожиданно совпасть с Гёте, да еще в вопросе об архитектуре, предмете его профессиональных занятий, было здорово, несмотря на неполноту аналогии: до подтверждения гениальной догадки архивными данными у меня дело не дошло. Ну, в этот раз не дошло, а в других случаях — с Пастернаком, Ходасевичем, Заболоцким — доходило. Совпадение было тем более лестным, что никаких воспоминаний не только о следовании за Гёте, но и вообще об этом эпизоде его книги я в своей памяти, как ни копался, наскрести не мог. Документального подтверждения не было, заимствования не было, а общность структурного прозрения была!

Документальное подтверждение, впрочем, нашлось — для Ладиных слов. «Ну, как же ты говоришь, что не помнишь? — сказала она. — Вот у тебя карандашная помета на форзаце:

*Гёте угадывает
чертеж подтверждает шпиль
364».*

МОРОК

Среди посмертных рассказов об Олеге Табакове (1935—2018) особенно сильное впечатление на меня произвела история, озаглавленная «Маг и волшебник»:

В течение месяца к дверям театра приходила женщина, которая утверждала, что один из актеров МХТ, Владимир Машков, наложил на нее порчу. Сотрудники театра знали даму в лицо — со своей жалобой она регулярно являлась к служебному входу и обрывала телефон, пока не встретила Олега Табакова. Женщина бросилась на капот его автомобиля с криком: «Ваш ученик навел на меня порчу, спасите меня!» Тогда Табаков медленно вышел из машины, подошел к сканда-

листке, взмахнул рукой и сказал: «Снимаю!» После этого назойливая поклонница в театре больше не появлялась.⁴

Вновь услышав эту историю в одном из интервью Дудя, я опять восхитился — и задумался, чем же она мне так дорога.

Она, конечно, очень мхатовская, чеховская, напоминающая «Беззащитное существо» и «Драму» — о графоманке, убийцу которой присяжные оправдывают. Ну и еще ближе к сцене, это образцовый актерский этюд в предложенных обстоятельствах — не хуже знаменитого «Не верю!». Все так, но мне слышится что-то еще, искомый ответ на какой-то насущный, тревожный, экзистенциально наболевший вопрос. Попробую сформулировать его, как говорится, в конце посылки.

А начну издалека, но все в том же театральном ключе. Как я уже писал, преподавание на первых курсах американских университетов — перформанс, сочетающий лекторство со стендапом. Я довольно быстро это понял и наработал некоторое количество готовых номеров, которые пускал в ход при очередном чтении курса. По-английски они называются *canned jokes*, «консервированные шутки»; репертуар требует постоянного освежения, и я пополнял его за счет новых импровизаций.

И вот как-то раз, давным-давно, лет, может, двадцать, а то и больше назад, пересекая кампус по дороге в аудиторию, я обратил внимание на транспарант, переброшенный через центральную аллею, — приветствие какой-то акции в защиту прав геев и лесбиянок. Войдя в класс, я немедленно огласил этот текст, но тут же посетовал на его ограниченность, а то и плохо скрытое безразличие к интересам других секс-меньшинств — асексуалов, импотентов и одиноких онанистов. (До сих пор горжусь мгновенно слеplенным оборотом *lone masturbators*.)

Прошли годы — историки культуры наверняка располагают точной хронологией, — и вместо скудного двучлена *LG* широко узнаваемым стал более инклюзивный четырехчлен *LGBT*, которого Василий Иванович, озадаченный уже квадратным трехчленом, не мог бы помыслить и подавно. Я тоже разобрался не сразу (в этих вопросах я, выражаясь по-старинному, не копенгаген: сами ролевые игры возражений не вызывают, а вот перманентная революция в системе личных местоимений и других грамматических категорий мне претит — как лингвисту и гражданину). Но когда разобрался, то опять-таки отметил недоработки, причем не только уже выявленные мной, но и новые.

Проблематичной показалась мне буква *T*, обозначающая, как мне объяснили, *трансгендерность*, то есть переход как из мужского пола в женский, так и наоборот. Объединение под одним символом взаимно противоположных (если не откровенно враждебных друг другу) сексуальных устремлений показалось мне верхом гендерной черствости, о чем я при случае и сказал раскрывшей мне четырехчленную аббревиатуру молодой коллеге по кафедре, явно гетеросексуальной, но в остальном очень передовой. Она была шведских кровей, одевалась пестро, занималась темой полицейского насилия в европейском кино и видела в каждой женщине, и в первую очередь,

конечно, в себе самой, *victim*, «жертву». «*Alleged victim* („предполагаемую жертву“)\», — с легиалистской занудностью поправлял я ее при обсуждении конкретных кейсов...

Наши с ней интеллектуальные спарринги, проходившие в предбаннике кафедры, имели своей подоплекой среди прочего мое несогласие с взятием ее к нам на работу — по причинам, впрочем, не идеологическим, а сугубо профессиональным: я считал, что нашей программе она не нужна. Но нелепое решение было принято большинством голосов, и мне ничего не оставалось, как смириться с ее присутствием, в дальнейших ее аттестациях не участвовать и терпеливо ждать, когда она получит *tenure*, «постоянство» и, говорил я ей, довольная, перестанет морочить себе и другим голову и уйдет в какое-нибудь действительно подходящее ей место.

Неотразимость моих рассуждений о двух *T* проявилась в том, что даже моя прогрессивная оппонентка спорить не стала. А через некоторое время удивила еще больше — преподнесла мне, как раз на день рождения, изготовленную по ее заказу футболку с креативной надписью:

ASK ME WHAT
LGBT
MEANS

Я был тронут, но, держа марку, сурово заметил, что никакой нужды в за-даривании меня не было, ибо от участия в комитетах, решавших ее судьбу, я так и так устранился. А что касается двух одинаковых *T*, то, наверное, стоило бы их как-то различить, ну хотя бы как T_1 и T_2 . Но майку принял и стал иногда надевать в класс.

А еще год спустя из выступления одного старого знакомого, любителя всего нового, который приехал к нам с лекцией, я узнал, что беспокоившее меня противопоставление уже введено официально: теперь различаются *trans-men*, «транс-мужчины», и *trans-women*, «транс-женщины».

Так что я опять оказался провидцем — и не только в этом.

Когда подошло наконец время окончательной аттестации нашей феминистки и кафедра единогласно проголосовала «за» (при одном воздержавшемся — это был я, пытавшийся вообще уклониться от голосования, но не тут-то было, закон есть закон), неисповедимая вышестоящая инстанция это решение не утвердила, и, по принятым в американской академии правилам, неудачнице пришлось спустя *grace year*, «льготный год», покинуть нашу кафедру, университет, штат и страну — полностью испариться и идти искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок. Как сказал бы Зощенко, тут-то она, виктимизация, и подтвердилась. Но без ангажемента наша шведка оставалась недолго и вскоре получила штатную должность, причем не где-нибудь, а в Университете Копенгагена!

Меж тем сакральная аббревиатура продолжала расти, уже не дожидаясь моих понуканий. Кажется, самая продвинутая и инклюзивная на сегодня⁵ формула читается как **LGBTQIAPK+**.⁶ Многобукаф — местоимений не пасешься!

...Но назад к Табакову. Чем так хорош его экспромт? А вот чем: это перформатив, подающий надежду, что в один прекрасный день некий милый смешной чародей легким манием руки снимет все эти мóроки — жалобы на порчу, на оскорбление чувств верующих, на дискриминацию всех мыслимых меньшинств, на капитализм, неоколониализм и дороговизну стульев для трудящихся всех стран.

P. S. А пока этого не случилось, опубликовать ли вышеизложенное? На Западе оно прозвучит как абсолютное *no-no*, непозволительное надругательство надо всем хорошим, а в России — как донос по начальству. Куда податься — на берега пустынных волн? в ночь, где течет Енисей? в заоблачную келью?..

НА СОМАЛИЙСКОМ ФРОНТЕ

Как-то давным-давно, на заре моей американской жизни, коллега-славист, пригласивший меня выступить с лекцией, начал представление гостя так: «Professor Zholkovsky has had quite a checkered career...», то есть охарактеризовал мою карьеру как *довольно пеструю*. В подтверждение своих слов, которые я, при всей сомнительности комплимента, не мог не оценить, он перечислил совершенно, на его взгляд, профессионально неуместные скачки от машинного перевода к лексическим функциям, к сомалийскому синтаксису, к порождающей поэтике и к занятиям то Ларошфуко, то Пушкиным, то Пастернаком. Сегодня он, наверное, добавил бы к этому мои экскурсии в несолидарное чтение Ахматовой, антологизирование инфинитивной поэзии и упражнения в области изящной словесности — как фикшн, так и нон-фикшн. Убей меня бог, не помню, кто это был. Иногда во мне шевелится туманное воспоминание-подозрение, что чуть ли не Дональд Рейфилд, чьей биографией Чехова я так восхищаюсь, — и потому не могу не снять шляпу перед его наброском моей.

Карьера, действительно, пестрая, никуда не денешься, и, наверное, самым колоритным пятном на ней был мой сомалийский квест. Кое-что я об этом уже вспоминал⁷, постараюсь не очень повторяться.

С самого начала, выбирая, каким бы экзотическим, максимально эдаким языком мне заняться в аспирантуре, я подумывал и о перспективе оказаться в соответствующих далеких широтах. Так что международные, чтобы не сказать империалистические (*И дальних колоний хинин...*) параметры этой языковедческой эскапады вовсе не исключались. Как я потом писал, неожиданно открывшиеся аспирантуры по азиатским и африканским языкам были частью хрущевского неоколониализма.

Забегая вперед, скажу, что не все мои геополитические замыслы осуществились. Подобно Дрожжину, аксеновскому специалисту по Халигалии, я так никогда и не побывал на научно облюбованных территориях. Зато, например, воинственный образ сомалийца проник в передовые российские СМИ именно с моей легкой руки — ну и со щедрой подачи Льва

Рубинштейна⁸, растиражировавшего пуанту моей виньетки о сомалийце, имя которого, Дункаль, значит одновременно «ядовитое дерево» и «герой»: «Я сказал, что не вижу этимологической связи. „Ну как же, — пояснил Дункаль, — «убивает много»“».

Таковы сомалийские мужчины. Есть даже пословица: «Арабы — это женщины с разумом, а сомалийцы — это мужчины без разума». Сомалийские женщины — совсем другое дело, и о двух тамошних прелестницах, двух Фатумах, у меня есть виньетка, «Черный список», в согласии со своим заглавием пока что таящаяся в моих посмертных закромах, а здесь упоминаемая лишь бегом, поскольку речь у нас пойдет на сугубо мужские темы.

Мужские — и даже с джеймсбондовско-штирлицевским неким оттенком, поскольку в аспирантуру по сомали я поступил на африканское отделение Института восточных языков МГУ, готовившего главным образом специалистов для посольской и иной агентурной работы, а ради языковой практики устроился редактором (и позднее диктором) в африканскую редакцию Московского радио и почти полтора десятка лет являлся одним из голосов советской пропаганды на языке сомали. Основными дикторами были наемные носители языка. У меня, естественно, был акцент, но, как выяснилось, не русский, а арабский, хотя арабского языка я не знаю. Во всяком случае, таковым он казался нашим слушателям — возможно, ввиду его «немужественности» (см. выше).

Содержание передач было неукоснительно советское, густо антиамериканское, с особым упором на войну во Вьетнаме. Сурово идеологическим было и единственное начальственное указание, полученное от заведомом Восточной Африки (с имперской фамилией Романов) при взятии меня на должность редактора-выпускающего: «Ты, главное, следи за отрицательными частицами, а то нам всем несдобровать». Мысленно любуюсь актуальностью недавно освоенных мной тонкостей сомалийской грамматики, я успокоил его, сообщив о наличии в ней особого отрицательного спряжения.

Работой на радио моя геополитическая экспансия не ограничивалась: она распространялась еще и на экспортный дубляж советских документальных фильмов с преимущественно военной тематикой (помню, как я гордился, переведя название авиадесантной короткометражки «С неба на землю в бой!» аналогичной триадой, в которой все три ключевые слова начинались — в духе аллитераций сомалийской поэзии — на один и тот же согласный). Не осталась вне зоны моего влияния и дипломатическая сфера: в МИДе я регулярно принимал квалификационный экзамен по языку у сотрудника, ведавшего там сомалийскими делами, и я же заранее перевел на сомали речи отправлявшегося с дружественным визитом в республику на экваторе Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Подгорного.

Это, так сказать, на уровне большой политики. А в малом, сугубо человеческом плане я однажды поспособствовал укреплению сомалийско-литовских связей. Один из моих сомалийских приятелей на радио попросил предоставить ему место (как тогда говорили, «хату») для свиданий с имевшей прибыть на несколько дней в Москву знакомой из Вильнюса. Я отдал Ахмеду

(в дальнейшей жизни послу Сомали в ГДР) ключи от московской квартиры и провел эти дни и ночи у своей тогдашней подруги. Вернувшись к себе, я нашел на письменном столе подарочный альбом Чюрлёниса — явное свидетельство успеха дипломатической миссии, а в почтовом ящике — записку из домоуправления с требованием объяснить участковому милиционеру факт пребывания на моей жилплощади заведомо непрописанных лиц. Времена были вегетарианские, и я без труда убедил участкового в высшей целесообразности моих международных контактов.

К дипломатическим рычагам я прибег и при защите кандидатской диссертации о синтаксисе сомали, каковая состоялась практически чудом — несмотря на мой статус диссидента-подписанта. Среди прочего помогло присутствие на ученом совете представителя сомалийского посольства, о чем позаботился мой ученик-сомаловед Георгий Капчиц. Ранга сотрудник был не самого высокого, но театральный эффект, произведенный арией африканского гостя о ценности первой в СССР диссертации о языке его молодой республики, был оглушительным и сыграл свою позитивную роль.

Но главным моим вкладом в баланс мировых политических сил явились, конечно, тексты, на которых строилось описание сомалийского синтаксиса в моей диссертации, вскоре вышедшей в виде книги (1971). Заимствованные из передач Московского радио, они были посвящены почти исключительно разоблачению американской агрессии во Вьетнаме. Про себя я наслаждался извращенной эстетикой этого идейного конформизма *nes plus ultra*. Соц-арта у нас тогда еще не знали девы, и я не подозревал, что, по сути дела, моя книга была одной из его первых ласточек.

А через какое-то время я эмигрировал (1979), чтобы сосредоточиться, как я всегда мечтал, на литературоведении, и от занятий сомали совершенно отошел. Лишь случайно встречаясь с сомалийцами в Штатах, я иной раз пытался тряхнуть стариной и поговорить «на языке» — с переменным успехом.

В общем, я полагал эту страницу своей биографии давно перевернутой, когда вдруг, совсем недавно, разведка донесла, что дело обстоит не совсем так.

В отличие от меня, Капчиц продолжал интенсивно заниматься сомаловедением, публиковать сомалийские тексты и работы о них, защитил диссертацию по сомалийской филологии и даже переиздал в России мой «Синтаксис сомали» с собственным пояснительным послесловием. И вот, по ходу своих занятий, из письма одного сибирского коллеги он узнал, что...

Здесь я сделаю интригующую паузу и предоставлю слово Капчицу:

В июне [2020-го] года я обнаружил на своем почтовом сервере письмо из Ачинска <...> — от <...> Василия Клименко <...> В свое время [он] сообщил о себе следующее: «По образованию я историк и юрист. Еще студентом увлекся историей преподавания и изучения африканских языков <...> Интересуюсь языком сомали. Изучаю также малагасийский язык».

Письмо Клименко содержало два вопроса: «Кто инициировал перевод „Синтаксиса сомали“ <...> на английский язык?» и «Понравился ли Вам перевод?»

Я всегда хотел, чтобы эта книга была переведена на какой-нибудь европейский язык, и не сомневался в том, что стал бы первым, кого А. Жолковский

известил бы, если бы это, наконец, произошло. Поэтому его реакция <...> («Ничего не знаю. Кем переведен? Где? Когда?») не удивила меня. Однако следующий e-mail из Ачинска («Кликните https://archive.org/details/DTIC_ADA091302») поставил часть точек над i.

Увидев свою книгу на английском, А. Жолковский был поначалу разочарован: «Мерзко издано <...> прав у меня никто не просил. Но вывешу на сайте».

На обложке книги <...> бросались в глаза имя и фамилия переводчика, Emery W. Tetrault [1930—2006], и название конторы, MRM, Inc., по заказу которой он <...> эту работу выполнил <...>

Агентство национальной безопасности [NSA], в котором сделал карьеру г-н Tetrault, является подразделением Министерства обороны США и входит в состав Разведывательного сообщества на правах независимого разведывательного органа.

Уяснив, что «Синтаксис сомали» переведен для NSA, А. Жолковский сказал: «Wow!»

Перевод книги был завершен в 1979 году, а начат, скорее всего, годом ранее. Именно тогда Сомали потерпело поражение в войне с Эфиопией за Огаден — населенную сомалийцами восточную часть этой страны. В этом конфликте СССР поддержал Эфиопию, что привело к резкому охлаждению советско-сомалийских отношений. Вероятно, это обострило интерес американских спецслужб к Сомали и послужило толчком к изучению их сотрудниками языка этой страны.

Остается оценить выбор специалистами Агентства национальной безопасности лучшего <...> пособия по изучению синтаксиса языка сомали.

MRM, Inc. позиционируют себя <...> как компания, предоставляющая <...> услуги по управлению рисками. О ее связях с Агентством национальной безопасности нам ничего не известно.

Согласно розыскам В. Клименко, вывешенный [онлайн] перевод «Синтаксиса сомали» <...> на бумаге не печатался. В <...> каталоге Библиотеки Конгресса США его нет.⁹

Ничего не скажешь — wow, да и только! Или скорее — oops?! Я переселился в Штаты в самом начале 1980-го и четыре десятка лет не догадывался, что мои геополитические щупальца уже обвили и это полушарие!

Что делать? Требовать выплаты авторского гонорара с набевавшими за это время процентами? Включать задним числом в CV и требовать повышения по службе? Впрочем, кажется, особыми успехами в Сомали мое новое отечество похвастаться не может, — не знаю, уж не по моей ли, теперь выходит что, вине...

Ладно, буду тихо радоваться своей многолетней засекреченной востребованности в недрах едва ли не самой мощной из мировых разведслужб и тому, что прогрессивная англоязычная общественность может теперь воочию убедиться в моем давнем отпоре злодеяниям американских империалистов во Вьетнаме и моих не менее давних симпатиях к выходцам с Черного континента.

В АВТОРСКОЙ ШКУРЕ

Комплиментарный, как водится, блёрб на задней стороне обложки моих «Напрасных совершенств и других виньеток» принадлежит Дмитрию Быкову и кончается так:

Эта проза увлекательна, непредсказуема и, по выражению его заочной противницы Ахматовой, ровно настолько бесстыдна, чтобы приблизиться к поэзии.

Роскошный пиар, и вишенка на торте — что надо: орден Св. Анны 2-й степени! Быков прекрасно организовал братание. И на какой почве? Бесстыдства!! Снимаю шляпу.

А о бесстыдстве речь зашла, думаю, неслучайно.

Дело в том, что давным-давно, десяток лет назад, при презентации одной моей книжки, когда наступил момент авторского чтения, Быков заказал самую пряную виньетку — «Напрасные совершенства». Читать собственные сочинения я, по неизбежному своему нарциссизму, люблю, но тут застенялся, зарумянился и отказался. «Нет, говорю, не могу». — «Как же так? Это же ваш текст!» — «Не могу, и всё». И не прочел.

С тех пор вопрос «Почему?» периодически занимал меня, но ответа я не находил. Хотя эту рискованную виньетку я потом не только перепечатал, но и сделал заглавной.

Ответа все не было, а вопрос недавно прозвучал опять — в ходе интервью по поводу нового сборника¹⁰, где есть виньетка с еще более непотребной и лишь слегка закамуфлированной пуантой. Интервьюер попался интеллектуально подкованный, ударить лицом в грязь было никак нельзя, я поднапрягся, и ответ вдруг сам собой выпорхнул из закровов современной теории повествования, объяснившей нам, что, по слову поэта, *на картинке Не кошка ловит мышь, а образ кошки Изображен ловящим образ мышки*.

В таких мемуарных текстах, как мои винюетки, нарратология различает:

— перволичного героя: это персонаж «я» — участник описываемых событий;

— перволичного рассказчика: это «я», повествующее о себе и этих событиях, — narrator, «нарратор», обращающийся к narratee, «адресату нарратива»;

— и подразумеваемого автора, implied author, — ту творческую инстанцию, которая встает из-за страниц произведения и которой соответствует implied reader, — та художественно чуткая ипостась, которую произведение призвано разбудить и выпестовать в читателе.

А совершенно уже вне нарратива, в сырой окружающей действительности, признается существование реального автора, real author, — живого существа, не имеющего, согласно новейшим теориям, никаких особых прав на рассматриваемый текст, но по старинке все еще допускаемого к раздаче автографов и интервью и получению премий.

Так что фигурирует в моих винюетках, в том числе малопристойных, литературный персонаж, повествует о нем нарратор, аранжировано все это, причем непонятно как, неким подразумеваемым автором, а отдуваться, зачитывая

текст вслух, за эти абстрактные сущности — конструкты из области нарративной теории — предлагается, ввиду совпадения имен, реальному мне, лично присутствующему на публике.

Что пардон, то пардон, как говорится у Зошенко.

СЕРЕНАДА

Как я обнаружил совсем недавно, к онлайнovým «пирожкам» и «порошкам» добавился новый жанр интеллектуального фольклора: «две девятки». Этимологически там слышатся девятки карточные, но имеются в виду рифмованные двестишия 4-ст. ямба с женскими окончаниями — 9 и 9 слогов (типа *Его пример другим наука; Но, боже мой, какая скука*).

Среди потока ерунды встречаются и жемчужины. Например:

мань это просто серенада
снимать штаны пока не надо¹¹

Всего две строчки, но какой букет!

Ну, на первый взгляд, очередная сексуальная хохма, «пошлость», с попростеcki слабой на передок героиней; ср. классическое:

- Мань, приходи на сеновал, трахаться будем!
- Намек поняла, приду.

И с вульгарными *штанами*, анекдоты о снятии которых навязли в зубах с детства, ср.:

Мальчик приходит домой поздно. Заждавшаяся мать спрашивает, где был.

— Ходил с ребятами есть мороженое.

Мать заботливо его оглядывает и говорит:

— Мороженое, это хорошо. Только, знаешь, следующий раз, когда будешь есть мороженое, не забывай снимать штаны.

Были, впрочем, и более утонченные вариации на ту же тему, например:

- Пушкина читала?
- Читала!
- Лермонтова читала?!
- Читала!!
- Не переводя дыхания:
- Ну, снимай штаны!!!

(Есть вариант, где задается и третий вопрос — о Гоголе, а в ответ на признание, что *не читала*, штаны предлагается снимать уже как бы в наказание.)

В чем утонченность? А в том, что ухаживание как-никак увязано с чтением и под видом секса речь ведется на излюбленные литературой метапоэтические темы. Та же, по сути, куртуазная ситуация, что и в нашем двестишии.

Иногда «культурная» составляющая проникает в подобные сюжеты самым неожиданным образом, ср. анекдот времен «оттепели» (и моей юности):

- Ой, если бы я знал, что ты девушка, я бы так не спешил!..
- Если бы ты так не спешил, я бы успела снять колготки!!

Для молодых читателей поясню, что едва ли не главная соль состояла тут в обыгрывании культурной новинки — импортной детали туалета, обозначаемой престижным иностранным, а впрочем, достаточно свойским, чешским, заимствованием. (Кстати, по-чешски *kalhoty* — все те же «штаны, трусы».)

В трех из четырех приведенных сюжетов примечателен изысканный темпоральный мотив: неопытному мальчику рекомендуется вовремя снимать собственные штаны; партнеру модницы — дать ей время снять свои; а нашей героине — напротив, с этим не торопиться. Разочаровывающе прямолинейное решение — вынос снятия штанов в бравурный финал хрестоматийной серии *Пушкин — Лермонтов* (— *Гоголь*).

Непревзойденным образцом работы с временной перспективой (и заодно куртуазной аурой) подобных сюжетов, наверно, остается следующий стишок (бытующий во многих вариантах):

На виноградниках Шабли
Два трубадура дам прельщали —
Стихи и прозу им читали,
А после все-таки е.ли.

Тут и ретардация, и отложенная — и тем более желанная — пенетрация, и наглядное воплощение эротической оттяжки в виде опоясывающей рифмовки (аВВа), и ловленная непристойная рифма (*Шабли / е.ли прельщали*), и ее последующее появление (*Шабли / <...> / е.ли*), а тем самым — иконизация ернически метатекстуального *все-таки*: запретные картинка и рифма, вроде бы выброшенные под давлением цензуры, венчают текст! Штаны, впрочем, не прописаны.

Но вернемся к нашей миниатюре. Что еще в ней радует, так это неприятельный, неафишируемый, но уверенный бросок *in medias res* — та головокружительная, по выражению Ахматовой, краткость, с которой нам предъясняется некий ключевой момент драмы, то, как по-гётевски останавливается драгоценное мгновение и с черчиллевской объективностью констатируется, что это еще не конец, даже не начало конца, но, можно полагать, конец начала, *the end of the beginning*.

Все-таки история с мороженым, при всей эффектности флешбэка и даже некотором заглядывании в будущее, предстает вполне завершенной. То же в случае с колготками — консуммация худо-бедно свершилась.

Ближе к нашему двестишестию в этом отношении, пожалуй, анекдот с вопросами по литературе, реакцией на простоватость которого миниатюра о серенаде по большому счету и является. Действительно, там штаны еще не сняты, но по результатам экзамена их предлагается немедленно снимать,

тут — пока воздержаться. Благодаря этому *пока*, и акцентируется остановка на самом интересном месте: аккорд еще рыдает, жизнь продолжается.

И вместо элементарного полового натиска звучит нечто вроде онегинского *Учитесь властвовать собою*. То ли это высокомерное отвержение, то ли дразнящая ретардация, но в любом случае — властный жест доминирования изошренного специалиста над простушкой-потребительницей.

Как представлять себе реальную мизансцену, в которой произносится реплика, не совсем ясно. Вообразить ли, что герой пропел партнерше настоящую серенаду? Поставил диск с классикой? Заговорил о жанре серенады? Полагаю, что житейские мотивировки здесь вообще нерелевантны, особенно, учитывая ироническое *просто*: если слушательница знает, что такое серенада, она не будет так торопиться, а если не знает, то дело уже не просто. Достаточно того, что каким-то образом в поле внимания попадает серенада, а с ней и порывистая реакция героини, дающая герою повод разразиться метатекстуальными нравоучениями.

Нравоучениями довольно умеренными. Как свидетельствует тщательно взвешенное *пока*, эротического посыла серенады (и, подразумевается, сонета, баркароллы, элегии...) лирический герой не оспаривает. Он просто напоминает о желательности хотя бы небольшой паузы, передышки, во время которой можно будет отдать должное художественным, как говорится, достоинствам текста.

* * *

Хотелось написать виньетку, а получился опять структурный разбор. Для виньетки не хватает личного участия рассказчика, каких-то его сюжетных неудач и треволнений. Ну что ж, пару слов о личном.

Двустиишие пленило меня тем, что согрело душу во вновь сгустившейся атмосфере пренебрежения искусством как таковым во имя тех или иных идей и акций — прогрессивных, консервативных, локальных, глобальных, теологических, экологических, кагэбэшных и элгэбэтэшных... — you name it. Как надоела эта повальная беготня спустив штаны за комсомолом! Надоела, осточертела, осто...нела!

Уф!.. Немного сбавлю тон и закончу старым советским анекдотом, который приведу по памяти. Следите за штанами.

Си-зу фан-за, пью чай, зду го-стей. Сту-ца-цца. Откльваю. «Ты за класных или за белых?» — «За класных». — «Снимай станы, лозись: сто голящих!»

Сизу фанза, пью чай. Стуцацца. «Ты за класных или за белых?» — «За белых». — «Снимай станы: сто голящих!»

Сизу фанза. Стуцацца. Снимаю станы, откльваю. Гости плисли — чай пить.

¹ Жолковский А. Домик на Челси, или Тема с вариациями. Заметки филолога // Новая Юность. 2010. № 1 (94); *Он же*. Домик-2 // <https://stengazeta.net/?p=10008091>; сводный текст — в моей кн.: Поэтика за чайным столом и другие разборы. М., 2014. С. 691—703.

² A Little House on Chelsea; or, A Theme And Variations // *Urban Semiotics: The City as a Cultural-Historical Phenomenon* / Ed. I. Pilshchikov. Tallinn, 2015. P. 319—334.

³ Гёте И. В. Поэзия и правда. Из моей жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1969. С. 364.

⁴ Рыбакова А. «Я — кот Матроскин»: как Олег Табаков воспитывал свободных артистов, спорил с властью и помогал людям // <https://www.vgoroden.ru/statyi/ya-kot-matroskin-kak-oleg-tabakov-vospityval-svobodnyh-artistov-sporil-s-vlastyu-i-pomogal-lyudyam>.

⁵ 15. 12. 2020.

⁶ См.: <https://vocal.media/humans/lgbtqiapk-and-what-it-means>; судя по всему, фито-, зоо- и некрофилия (ср. сцены с тыквой и овечкой в «Ночи на земле» Джармуша и с трупами в «Палаче» Лимонова) все еще остаются не охваченными.

⁷ См. «Убивает много», «„Эпикировка“», «Из истории вчерашнего дня» и «Таксист и синтаксист» в моей кн.: Эросипед и другие виньетки. М., 2003 // <https://www.litmir.me/br/?b=174947>.

⁸ См.: Рубинштейн Л. Дункаль // <https://grani-ru-org.appspot.com/Politics/Russia/m.134182.html>.

⁹ См.: «Синтаксис сомали» в СССР, РФ и США // Восток (Oriens). 2020. № 2 (в печати).

¹⁰ Жолковский А. «Тексты лишь в малой степени созданы существами из плоти и крови» / Беседовал И. Кириенков // <https://polka.academy/materials/735>.

¹¹ *makshneider*. Две девятки // <https://poetry.ru/103338>.